

«В России журнал — больше, чем журнал»

ВИКТОР МОЛЧАНОВ. Доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Область научных исследований — феноменологическая философия, проблемы сознания, времени, история западной философии. Руководитель Центра феноменологической философии философского факультета РГГУ. Руководитель проекта «Русская Гуссерлиана», посвященного изданию сочинений Гуссерля на русском языке. Автор более 100 работ, в том числе монографий «Время и сознание: критика феноменологической философии» (М.: Высшая школа, 1988) и «Различение и опыт. Феноменология неагрессивного сознания» (М.: Три квадрата, 2004). Член научного совета журнала «Логос».

- *Каким было начало 1990-х в профессиональном и интеллектуальном плане лично для вас?*

Я бы предпочел говорить о конце 1980-х и начале 1990-х. В профессиональном плане могу, конечно, вспомнить защиту докторской диссертации в 1990 году. Но это формальный момент. А реально? Реально в 1980-е годы закончился большой период моей жизни, который был связан с Ригой, с Вильнюсом. В 1990-е годы их уже не было в составе Советского Союза, и научное сообщество, которое существовало там с начала 1970-х, начало постепенно распадаться. В советское время, в 1980-е годы, участники этого сообщества издали пять сборников по феноменологии, это очень много. А уже в начале 1990-х годов мы были вместе с Валерием Анашвили в Риге на одной из конференций, уже последних этих рижских конференций. Там как раз и состоялся разговор о новом журнале. Я согласился перевести для первого номера статью Гуссерля о феноменологии из Британской энциклопедии.

Но резкого перехода в начале 1990-х в своей профессиональной деятельности я не ощущал, потому что меня не касались, разумеется, процессы в бизнесе, приватизация и т. д. Я занимался тем, чем занимался и раньше. Только, конечно, с конца 1980-х годов открылись возможности непосредственного контакта с зарубежными коллегами. Вот это важно. Первая зарубежная конференция, в которой я участвовал, прошла в Белграде в 1987 году, затем я поехал на феноменологический конгресс в Испанию. В то время я работал и жил в Ростове-на-Дону, и в целом у меня было не так

много сведений о том, какие есть возможности поездок, стипендий, стажировок. Как всегда, такими возможностями прежде всего пользовались московские философы, обладавшие более широкой информацией о различных конференциях и стипендиях.

Для меня конец 1980-х — это 1989 год. Год 100-летия со дня рождения Мартина Хайдеггера. И по поводу этого события в Москву приехало большое количество зарубежных гостей — из Германии, Америки, из разных стран. Были левые и правые, консерваторы и либералы, хайдеггерианцы и те, кто довольно критически относился к Хайдеггеру. Что ни говори, это было очень большое событие. Скажем, господин Фридрих-Вильгельм фон Херманн — один из издателей собрания сочинений Хайдеггера — делал доклад о «Бытии и времени», который продолжался, насколько я помню, четыре часа. Это было какое-то общее ощущение свободы. Наконец, в 1989 году уже была возможность говорить все что хочешь, не оглядываясь ни на кого. Это, конечно, было очень замечательно и хорошо. Когда мы общались в Риге (а я практически каждый год летал из Ростова в Ригу), мы по-другому ощущали себя там. Мы ощущали себя как своего рода диссиденты, но не в политическом смысле, не как некая оппозиция к власти. В конце 1980-х это совсем ушло. Появилась возможность свободных философских исследований. Совершенно свободных — на тему, которую сам выбираешь.

Конечно, знакомство с фон Херманном, потом мои поездки в Германию и мое ученичество в Германии уже после защиты докторской диссертации, когда в середине 1990-х я полтора года провел там, — все это меня очень многому научило на самом деле. И как вести занятия, и как работать с текстами — этому всему меня научили, в общем-то, просто в процессе работы и учебы.

Потом меня пригласили в РГГУ. В РГГУ — из Ростовского государственного университета. И началась другая жизнь.

С «Логосом» меня связывает сотрудничество с момента возникновения журнала. О первых его выпусках в 1990-е годы у меня остались самые теплые и хорошие воспоминания, потому что был действительно творческий процесс. И свою первую самостоятельную статью я опубликовал в «Логосе». Это случилось, если не ошибаюсь, в 1992 году. Она называлась «Парадигмы сознания и структуры опыта». Все, что я писал до этого, являлось более или менее добротными исследованиями Гуссерля, Хайдеггера и т. д. С выходом «Логоса» у меня впервые появилась возможность публиковать собственные исследования. Было очень важно выйти на такой уровень и общаться с людьми, которые готовы опублико-

вать ваши исследования. Вот что значит лично для меня «Логос» в начале 1990-х годов. Этот период связан с переходом к самостоятельному видению феноменологии, чего в 1980-е годы не было. Существовали, конечно, попытки, но в общем и целом мы только исследовали феноменологию. Это если не говорить об общественной значимости «Логоса», об этом круге проблем, а только о том, чем лично для меня был ознаменован этот период.

- *Какие журналы в начале 1990-х вы считали для себя важными и читали?*

У меня в ростовской квартире 8-метровый балкон был завален «Иностранной литературой», «Новым миром». При переезде в Москву мы их просто не взяли, потому что некуда было брать. Не могу сказать, что в 1990-е читал какие-то новые журналы. Читал одно время «НЛО», но очень мало. «Вопросы философии» читал время от времени, нерегулярно. Литературные журналы к этому времени мы уже перестали читать, потому что появились книги, появился совсем другой, как говорится, *orbis litterarum*, круг чтения.

Не помню, чтобы я увлекался какими-то журналами. Кроме того, большинство из них выходили тогда по 2–3 номера и исчерпали. И вообще, я не являюсь страстным читателем, как некоторые. Нет, у меня баланс чтения-письма все-таки склоняется в сторону письма, а не чтения.

- *А чем отличался «Логос» от этих философских журналов, которые жили 2–3 выпуска?*

При создании «Логоса» в него была заложена очень хорошая идея — объединить два направления: феноменологию и русскую философию. Анашвили курировал, условно говоря, западную философию, Игорь Чубаров — русскую. Мне казалось (и я считаю так до сих пор), что это была правильная идея, потому что русская философия была практически неизвестным полем исследования. О ней только мифы какие-то были. Тогда и опубликованных текстов не было для широкого читателя. Но мне кажется, что во многом именно из-за опоры на феноменологию «Логос» и выжил. Десять лет, примерно до 2000 года, в «Логосе» доминировала именно феноменология.

Потом «Логос» стал немножко другим журналом. Он стал опираться на те или иные фонды, институции. Он стал тематическим.

На мой взгляд, сейчас «Логос» нельзя назвать журналом, потому что он публикует номера, посвященные определенной тематике. Разумеется, в журналах это допускается. Но журнал все-таки должен отражать текущее время жизни. А тематические номера — это все равно что в литературном журнале объявить тему «Зима». И туда какой-нибудь современный прозаик написал бы про зиму, там опубликовали бы «Зимнее утро» Пушкина, напечатали бы «Станция Зима» Евтушенко. Так и собрали бы тематический номер. Но журналы, отражающие текущее состояние дел в литературе, так ведь не делают.

С другой стороны, может быть, это и хорошо — тематика. Вот один из недавних номеров был посвящен феноменологии. Я этому рад, конечно. Кстати, написал туда статью о Лосском. Но в 1990-е годы, особенно в начале, «Логос» отражал как раз живое состояние дел, то, что происходило именно «сейчас». Владимир Калиниченко писал для журнала, я делал переводы и тоже писал статьи, другие авторы публиковались с разными текстами. Мне кажется, «Логос» был журналом, каким он должен быть. Но опять же, в РГГУ тоже есть издание, и мы стараемся делать его номера тематическими — выпустили два ежегодника по феноменологической философии. Хотя не стремимся все материалы подогнать под одну тему. Должна быть какая-то живая жизнь, отражение того, что происходит сейчас.

- *Каких российских авторов из тех, кто публиковался в журнале, вы могли бы назвать?*

Я уже назвал Владимира Калиниченко. Очень хорошие переводы Гуссерля делал мой ученик Андрей Денежкин. Чтобы назвать другие имена, мне надо просмотреть эти выпуски, сейчас имен не могу вспомнить.

- *Расскажите, пожалуйста, подробнее, как происходило создание «Логоса».*

Для меня эта история началась, когда я в 1985–1987 годах работал в Москве старшим научным сотрудником. Мы с семьей жили на даче. Вдруг приезжают два молодых человека — Валера Анашвили и Игорь Чубаров. Начинают рассказывать, что надо новую философию создавать. Я как раз, помню, перила делал. Вот так мы познакомились. Они сами меня нашли под Звенигородом. Это довольно далеко от Москвы, но они приехали, проявили инициати-

ву. Очень активный, конечно, Валерий — надо отдать ему должное. Игорь тоже, но Валерий особенно. Он, конечно, проявил незаурядную целеустремленность и активность.

Также они предложили переиздать мою книгу 1988 года «Время и сознание». Но тогда это не получилось. И по моей вине — я затянул подготовку текста, потому что не люблю дважды публиковать одно и то же. Пока я там все переделывал, в общем, время ушло. Не помню, состоялся ли тогда разговор о «Логосе», но наше сотрудничество началось. Потом я познакомился с Олегом Никифоровым. После Никифоров с Козыревым приехали к нам в Ростов на какую-то конференцию. Так и завязалось наше общение, которое в Риге приняло тот практический оборот, что я взялся за конкретную работу для первого номера «Логоса».

Еще я помню одно из первых помещений редакции, оно было где-то в районе Парка культуры, во дворах. Помню даже, кто там сидел за компьютером, кто был корректором. Там была очень творческая атмосфера. Знаете, все эти полуподвальчики посещали даже западные профессора.

Надо также сказать, что кроме выпуска журнала мы тогда же решили заняться русской «Гуссерлианой», то есть выпустить собрание сочинений Гуссерля. Это не удается до сих пор, потому что, увы, теперь я один и не могу создавать русскую «Гуссерлиану» — слишком сложно, долго, дорого. Даже при наличии какого-нибудь гигантского финансирования все равно в одиночку это невозможно. Тем не менее мы тогда вместе начали. Первый том вышел в 1994 году — «Феноменология внутреннего сознания времени», он был посвящен лекциям Гуссерля.

В этом проекте участвовали Анашвили, Никифоров, Чубаров, Калиниченко и я. Руководил всем процессом профессор Хейнт. Есть фотография, сделанная в Праге в 1996 году на одной из конференций. Там все мы в окружении таких грандов мировой философии, как Отто Пёгеллер, Лиза Керн, Клаус Хельд и др. Вот этим мы занимались тогда, кроме «Логоса». В результате вышли мои переводы Гуссерля — «Картезианские медитации» и второй том «Логических исследований». И переводы Хайдеггера, сделанные ученым из Петербурга Алексеем Григорьевичем Черняковым, который, к сожалению, несколько лет назад умер. Мы с ним тоже тесно сотрудничали в этом проекте. Все это также входило в круг интересов «Логоса».

Потом с «Логосом» стало сотрудничать новое поколение. Виталий Анатольевич Куренной много сделал для феноменологии. Кстати, его проект тоже в некотором смысле вышел из «Лого-

са», потому что опубликованный им перевод Райнаха поддержала Интернациональная академия философии в княжестве Лихтенштейн. Это было международное сотрудничество на основе интереса к «Логосу».

Так что по части феноменологии один журнал, как говорится, больше, чем журнал. Калиниченко сказал мне однажды: «В России журнал больше, чем журнал». Это действительно так. Из этого журнала выросло целое сообщество, даже не одно. Вот в том-то и роль журнала. Не только чтобы публиковать что-то, но и чтобы вокруг него возникали те или иные научные сообщества. По крайней мере 10 лет, примерно до 2000 года, такое воздействие журнал оказывал. Ну, а сейчас другая эпоха. Об этой эпохе я не могу сказать ничего определенного.

- *Расскажите, пожалуйста, на какой круг читателей ориентировался «Логос», когда он создавался. И менялся ли этот круг по мере развития журнала?*

Журнал ориентировался на очень широкий круг читателей, прежде всего на гуманитарную интеллигенцию — не только на философские круги, но и на литературные. В «Логосе» публиковались тексты на грани философии и литературы.

И «Логос» читали все, его стремились достать. Раньше, когда журналы нельзя было прочитать в интернете, требовались определенные усилия, чтобы его заполучить. С этим были трудности. Они были уже не такие, как в советское время, когда в подворотне обменивались ксерокопиями Фомы Аквинского, а другого типа, но все же были.

Я помню, как в Ростове буквально расхватывали первые номера «Логоса», когда я их туда привозил. К журналу был очень большой интерес, потому что это была живая, неказенная философия. «Вопросы философии» оставались консервативными. Не хочу ничего плохого сказать о «Вопросах философии». Сейчас это другой журнал, но и тогда в нем был по крайней мере отбор, печатали не все подряд. Я и сам свою первую статью о Гуссерле опубликовал в 1972 году в «Вопросах философии», хотя это случайно получилось. Так что «Логос» те 10 лет был важен не только как журнал, но и как сообщество, которое образовалось вокруг него. В этом сообществе я жил и работал. Сейчас произошла некоторая дивергенция, так сказать. А тогда это был важный этап.

- *Что бы вы могли причислить к бесспорным успехам «Логоса» в 1990-е годы?*

Я уже об этом говорил. Это, во-первых, все проекты, которые существовали благодаря «Логосу». Не только то, что в журнале печатали, но и переводческие проекты, международные конференции. Во-вторых, очень крупные философы Запада обратили, наконец, внимание на то, что в России есть философская жизнь. Ведь что они читали? Я, когда приехал в 1992 году в Швейцарию, в Институт Восточной Европы, что увидел на полках? Полные собрания сочинений Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, учебники по диалектике, истмату. Они это изучали, чтобы критиковать. Я подумал: бедные люди, боже мой, чем они занимаются? Сейчас этого института уже нет, но в годы его существования все его полки были забиты такой литературой на всех языках.

И у нас была сходная ситуация. В здании, где сейчас находится РГГУ, раньше располагалась Высшая партийная школа. Когда я в 1996 году приехал сюда работать, то видел, как на первом этаже, где почта, были просто свалены груды книжек — это было собрание сочинений Ленина на испанском языке и еще что-то подобное. Поэтому людей на Западе тоже нужно было как-то поставить в известность, убедить, что здесь что-то начинается. И «Логос» был одним из таких моторчиков, который показал, что здесь что-то есть.

- *Как бы вы оценили ситуацию с философией в целом в 1990-х и сейчас? Может ли, на ваш взгляд, возникнуть в наше время такой же востребованный философский журнал, каким оказался «Логос»?*

Я не хочу казаться большим пессимистом, но думаю, что все-таки нет. Журнал ведь для чего существует? Он собирает людей вместе. Я сомневаюсь, что сейчас такое возможно.

Понимаете, «Логос» привнес нечто новое. Но что? В России, конечно, были попытки создать феноменологическую традицию. Был Шпет, Лосев этим занимался. Однако это не традиция, а просто отдельные люди, достаточно компетентные в области феноменологической философии. Феноменология всегда манила людей — отчасти из-за непонятности этих текстов, отчасти из-за мифа о Хайдеггере, который всегда существовал в советских философских кругах. И вдруг приходят люди, которые это новое преподносят, тексты переводят, статьи пишут. И все читают и радуются.

А сейчас вообще нет такой философской силы, которая могла бы сфокусировать на себе внимание. Все вроде бы есть, но нигде ничего нет такого, что бы действительно привлекало живой интерес. Философия стала более профессиональна, но она в последнее время, на мой взгляд, утратила некоторую жизненность. Иногда даже, я бы сказал с сожалением, она превращается просто в схоластику в худшем смысле этого слова. Это напоминает четыре фазы развития философии, как они были сформулированы в историко-философской концепции Brentano. Мы эти четыре фазы стремительно прошли, теперь нужно ждать нового начала. Каким оно будет, я не знаю.